

Мо Лин протянул руку и принялся щипать Фэн Цзюцина за щеки. Он усердствовал до тех пор, пока кожа не покраснела, а затем, сменив сторону, повторил процедуру, чтобы добиться полной симметрии.

Фэн Цзюцин изначально лишь притворялся, но теперь глаза его действительно наполнились слезами. Лицо, сморщенное, словно пельмень, выражало крайнюю степень обиды. Боль была не такой уж сильной, но осознание того, что его собственный ученик так с ним обращается, вызывало лишь досаду. Впрочем, раскрыть свою истинную личность он не мог: если бы он признался, что является Великим наставником, Мо Лин мгновенно превратился бы в того самого сдержанного и холодного императора, и тогда о том, чтобы заполучить этот лакомый кусочек, можно было забыть.

Мо Лин остался доволен своей работой. Он даже нашел время поправить кисточку на серьге Фэн Цзюцина. Этот человек был единственным за долгие годы, кто пришелся ему по душе. Забрать его с собой и сделать наложником было бы неплохо, но, к сожалению, тот был актером из труппы. Даже Юаньвэй не осмеливалась требовать статуса законной супруги Великого наставника, а этот человек вознамерился стать его главной женой. Будь он обычным человеком, женитьба на актере вызвала бы лишь пересуды, но он — император, каждое слово и движение которого под пристальным вниманием всего мира. Этот человек был хорош собой и талантлив, но недостаточно, чтобы ради него идти против воли подданных. Однако, раз он приглянулся ему, никто другой не смел к нему прикасаться.

— Цинцин, ты прекрасен. Что, если я выкуплю тебя из труппы? — Мо Лин не сводил темных глаз с красавца в своих объятиях.

Фэн Цзюцин был ошеломлен. Неужели Мо Лин действительно собирается сделать актера императрицей? Судя по его характеру, он не должен был совершать подобной глупости.

— Хочет ли мой дорогой гость сделать Цинцина своей законной супругой? — Фэн Цзюцин приподнял бровь, не отводя прямого взгляда.

— Смелость — это хорошо, но наглость — опасный порок. С древних времен актеры считаются людьми низкого сословия. То, что покровитель выкупил тебя и даровал статус свободного человека — уже великая удача. Цинцин, разве ты не требуешь невозможного?

В голосе Мо Лина невозможно было уловить ни радости, ни гнева, словно он обсуждал самую обыденную вещь. Фэн Цзюцин ухватился за воротник Мо Лина, притягивая его ближе, и одарил чарующей улыбкой. Ивовые листочки на его серьгах тихонько звякнули.

— Если дорогой гость не желает, найдутся другие. С такой внешностью Цинцин не пропадет и найдет того, кто будет готов взять его в законные супруги. Как считаете, дорогой гость?

Взгляд Мо Лина потемнел. Этот человек смел дразнить его, произнося подобные слова — видимо, он преподавал ему недостаточно хороший урок. Рука, державшая Фэн Цзюцина за талию, разжалась, но тут же с сухим звуком опустилась на прежнее место.

Фэн Цзюцин застыл. Мо Лин ударил его, причем в такое место! Это было просто возмутительно! Настоящее святотатство!

Глядя на внезапно покрасневшее лицо Фэн Цзюцина, Мо Лин притянул его обратно в объятия, и в его голосе слышались угрожающие нотки:

— Я сказал: тот, кто принадлежит мне, неприкосновенен для других. Ты сам затеял эту игру, Цинцин. Если не будешь послушным, в следующий раз всё будет куда серьезнее. Если посмеешь искать утешения на стороне, я не побрезгую лично прикрыть этот сад. Тебе лучше быть благоразумным.

— Ой-ой, как жалко, получил от ученика. Посмотрите-ка, какой невезучий Наставник императора у нас нашелся. О, так это же наш Великий наставник Фэн Цинцин! — Система, непонятно откуда взявшаяся, каталась по полу от смеха.

Фэн Цзюцин заскрежетал зубами. Если бы взглядом можно было убивать, Система была бы уже растерзана в клочья. Давно не виделись, Янь-эр вырос настолько, что осмелился ударить своего наставника. Это определенно требует воспитательной беседы. Запишем в блокнот: как только он заполучит Янь-эра в свои руки, то сполна отыграется.

Когда Фэн Цзюцин снова посмотрел на Мо Лина, на его лице застыло выражение глубочайшей обиды. Слезы, словно жемчужины, катились по щекам, и вид у него был до жалости несчастный.

— Дорогой гость обижает Цинцина. Вы сами не можете выполнить условие, но при этом запрещаете Цинцину искать кого-то другого. Как вы можете быть таким деспотичным? Цинцин ничего плохого не сделал, а вы его ударили. Цинцину очень обидно...

Кадык Мо Лина дернулся. Он достал платок и вытер слезы с лица Фэн Цзюцина, уголки его губ тронула улыбка, а голос стал хриплым:

— Ты так красив, когда плачешь.

Фэн Цзюцин замер, не зная, продолжать ли рыдать. С каких пор у Мо Лина появилась такая странная склонность — любоваться чужими слезами? Он отчетливо почувствовал, что Мо Лин возбужден, его голос стал ниже и еще притягательнее, но это было чертовски приятно. Фэн Цзюцин закатил глаза, в голове созрел план. Он демонстративно проигнорировал платок и вытер слезы о грудь Мо Лина.

Мо Лин на мгновение замер. Дождавшись, пока Фэн Цзюцин закончит, он с брезгливостью посмотрел на свой испачканный наряд и спросил:

— У тебя есть одежда, которую ты еще не надевал?

Разумеется, она была, но Фэн Цзюцин был не в духе и тихо ответил:

— Нет. Дорогой гость выше меня ростом, у меня нет такой большой одежды.

Даже если бы была, я бы тебе ее не дал. Неприятно, да? Вот и хорошо, так тебе и надо. Фэн Цзюцин никогда не позволял себя обижать, и если сейчас он не мог ответить тем же, то хотя бы немного сквитаться было приятно.

Мо Лин всё еще улыбался, но в его взгляде промелькнул холод. Впрочем, гневаться он не стал. Он взял руку Фэн Цзюцина, снял кольцо со своего мизинца и надел ему на безымянный палец правой руки.

— Твои руки слишком пусты. Сегодня я пришел второпях и не принес ничего ценного, пусть это кольцо будет подарком при встрече. Но запомни: ты принадлежишь мне. Если я узнаю, что ты за моей спиной ищешь кого-то другого, я не побрезгую сорвать этот цветок и уничтожить того, кто посмел красть чужой аромат.

Фэн Цзюцин даже не расслышал последних слов. Его мысли были заняты лишь тем, что Мо Лин надел на него кольцо. А это, если считать, почти предложение руки и сердца. А если предложение — то почти свадьба. А если свадьба, то Янь-эр теперь его супруг, и он сможет делать с ним всё, что захочет.

— Системка, Янь-эр надел мне кольцо! Смотри, на безымянный палец! Янь-эр согласился стать моей женой! Кольцо — это доказательство! — В голове Фэн Цзюцина раздавались радостные вопли.

Система, не заботясь о его чувствах, окатила его холодной водой:

— Ты слишком много на себя берешь. Мо Лин — типичный человек древности, он понятия не имеет о значении кольца. В конце концов, он только что чуть не назвал тебя безумцем, мечтающим о невозможном.

— Эх, не в обиду будь сказано, Системка, но ты существуешь так долго, а всё еще одна. Неужели нет ни одной системы, с которой можно создать пару? Ох, бедная Системка, даже не знаешь, что такое любовь. Как же это жалко, — Фэн Цзюцин посмотрел на Систему с притворным сочувствием.

Шерсть Системы встала дыбом, и она превратилась в разъяренный пушистый комок:

— Негодник!

Фэн Цзюцин одержал победу, но, придя в себя, обнаружил, что Мо Лин уже ушел. Всё тот же Янь-эр с патологической тягой к чистоте — не выносит вида слез. Фэн Цзюцин потерял глаза: от

долгой игры на публику они немного разболелись.

— Системка, обменяй мне флакон капель для глаз.

— Шестьдесят баллов, спасибо за покупку, — буркнула Система, еще не оправившаяся от удара.

— Шестьдесят? Системка, ты думаешь, я банк? Вещь, которая стоит от силы шесть баллов, ты впариваешь мне за шестьдесят! Даже самые прожженные торгаши не такие бессовестные! У нас с тобой десять, двадцать лет отношений, как у тебя совести хватает так меня обдирать?

<http://bllate.org/book/21502/2203450>